

ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ

УДК 910.3

ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ ГОДОНИМОВ МОСКВЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В.А. Колосов¹, М.В. Зотова²

^{1,2} Институт географии РАН, лаборатория геополитических исследований

¹ Зав. лабораторией, д-р геогр. наук; e-mail: vladimirkolossov@gmail.com

² Ст. науч. сотр., канд. геогр. наук; e-mail: zotova@igras.ru

В статье анализируются способы интерпретации социальной реальности и производство символических ресурсов в Москве с помощью изменения системы топонимов – самого распространенного и наиболее употребительного класса топонимов в городе. Годонимы рассматриваются в работе как важный и наиболее динамичный элемент политического ландшафта города. В основе исследования лежит геоинформационная обработка и анализ базы данных, созданной с помощью выбора из всего массива московских годонимов портала «Электронная Москва» наименований, имеющих политические коннотации, а именно связанные с: 1) коммунистическим режимом и его реалиями; 2) деятелями культуры и искусства; 3) экономико-географическими объектами; 4) физико-географическими объектами. Изучены пространственные закономерности наименования улиц Москвы. Проанализировано использование в столице ключевых технологий (пере-)наименования улиц: «чистки», переучреждения, реституции, продвижения. Первая волна переименований после революции 1917 г. привела к значительному изменению политического и культурного ландшафта города за счет изменения более 65% названий, в первую очередь связанных с царскими династиями, дворянскими и купеческими родами, монастырями и храмами. Вторая волна, а именно постсоветская реституция, затронула лишь около 5% улиц, преимущественно расположенных в центре. В этой связи в современной системе названий московских улиц сохраняется высокая степень преемственности с советской эпохой и принятыми тогда принципами наименования. Более 30% годонимов по-прежнему напрямую связаны с коммунистическим режимом и его реалиями. По структуре годонимов Москва предстает прежде всего как центр исторической России, бывшего Московского княжества, а затем губернии и области. В столице сохраняется традиция кластеризации годонимов, заложенная еще в дореволюционное время. Проявляются как кластеры, приуроченные к местам ожесточенных столкновений революционных периодов, так и кластеры, связанные с регионами страны, находящимися с соответствующих сторон света, а также кластеры, приуроченные к расположению организаций, связанных с международной деятельностью, иностранными государствами и их представителями. В зеркале годонимов формируется образ Москвы как столицы России, собирающей окружающие территории, бывший центр великой империи и макрорегиона мира, крупной многофункциональной агломерации и мирового города.

Ключевые слова: политический ландшафт, столица, топоним, городская среда, географические названия, топонимический ландшафт

DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.80.5.7

ВВЕДЕНИЕ

Москва – крупнейший город на постсоветском пространстве, одна из самых старых и в то же время относительно «молодых» столиц в Центрально-Восточной Европе. Нынешний облик Москвы ярко отражает драматические события, которые страна пережила в XX в.: две революции и крах Российской империи, приход к власти коммунистического режима и создание СССР, Великую Отечественную

войну, постепенное смягчение советской власти и распад Советского Союза. За столетие население города выросло как минимум в шесть раз, резко расширились границы самого города, он стал центром крупнейшей в России городской агломерации.

Городская среда, сложившаяся в ходе многовекового развития, представляет собой палимпсест, в котором наложились многие исторические слои, которые прослеживаются, в частности, в названи-

ях объектов, особенно годонимов¹. Они отражают определенный набор событий, имен отечественных и зарубежных деятелей, названий горных массивов, рек, городов и регионов в границах страны и за их пределами. Выбор годонимов и их изменения, как правило, носят ярко выраженный политический характер и могут служить зеркалом идеологических предпочтений властей.

Годонимы представляют собой один из элементов *политического ландшафта* города, понимаемого как территориально локализованный набор объектов и процессов, отражающих идеологию, политические ценности и нормы, и демонстрирующих идеологический контроль правящего режима и определенных социальных групп над территорией [Azaryahu, 1996; Klot, Mansfeld, 1997; Cosgrove, 1998; Kolosov, Zotova, 2023; Аксенов, 2024]. К понятию политического ландшафта близка концепция «город-текст» (*City-Text*) как взаимосвязанной, хотя и не лишенной противоречий системы представлений, определяющих политическую идентификацию географического места [Różycki, 2018]. Множественные коллективные представления о городе рассматриваются как атрибут общественной жизни и условие его существования, фон и мотивация действий различных социальных групп [Débarbieux, 2021].

В противопоставление палимпсесту, скрывающему старые наслоения новыми, сегодняшний политический ландшафт городов ближе к интертексту, в котором зафиксированы все перемены в обществе и подчеркивается плюрализм социума, множественность социальных идентичностей и изменчивая современность, что позволяет людям сопереживать прошлому, актуализируя его в настоящем [Вендина, Гриценко, 2024]. Топонимический палимпсест предполагает раскрытие множественности места не только в контексте переименований через семиотический процесс переозначивания, но и в контексте его превращения в интертекст [Митин, 2021].

Годонимы интересны для исследования политического ландшафта тем, что они составляют самый распространенный и наиболее употребительный класс топонимов в городе. Процесс замены старых названий новыми (поиск, обсуждение и принятие решений о номинации вновь возникающих элементов улично-дорожной сети) продолжается непрерывно и, несмотря на возникающие волны массовых переименований, этот процесс сравнительно стабилен. Жители городов широко используют годонимы в повседневной практике, ассоциируя име-

на улиц с различными объектами и со своими перемещениями в пространстве.

Москва, как и любая столица, – один из главных национальных символов, арена реализации смелых градостроительных экспериментов и амбициозных проектов, источник политических и прочих инноваций. Старые названия исчезали с карты города, но одновременно появлялось еще больше новых, поскольку город постоянно расширялся. Имена около 5,5 тыс. элементов московской улично-дорожной сети – зеркало турбулентной новейшей политической истории страны, ее культуры, особенностей градостроительства, эволюции функциональной структуры и других общественных процессов. Процессы, происходящие в годонимическом ландшафте столицы, отличаются от переименований на региональном уровне [Герасименко и др., 2020; Вендина, Карпенко, 2023; Герасименко, Искалиев, 2021; Манакон, 2018], который в настоящей работе не рассматривается.

Цель настоящей работы – рассмотреть способы интерпретации социальной реальности и производство символических ресурсов политического ландшафта в Москве с помощью анализа сложившейся к настоящему моменту системы годонимов, имеющих очевидные политические коннотации.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Подходы к изучению географических названий, наименований и переименований. Изучение географических названий в городах и в первую очередь названий улиц превратилось за последние годы из раздела лингвистики, занимающегося главным образом семантикой и ономастикой, в новую междисциплинарную область, в которой используются также методы социальной и культурной географии, социологии, политологии и других наук [Rusu, 2021].

Топонимы традиционно рассматриваются географами как отражение или частное проявление социальных процессов. Различают собственно исследование географических названий – их историю и происхождение, значение, длительность существования и т. п. и изучение процесса наименования (*place-naming*), т. е. анализ географического и политического контекста, в котором возникла необходимость в новом названии, процедур его поиска, состава и интересов вовлеченных акторов, дискуссий и борьбы между ними.

Наименование или переименование географического объекта рассматривается как важный механизм концептуализации пространства. Цели переименований варьируют от демонстрации новых идеалов до создания новой версии национальной истории. Они могут быть связаны как со сменой государственной идеологии и политики, так и со

¹ В работе выбран годоним как вид урбонима для обозначения линейных объектов (улиц, в том числе проспектов, бульваров, аллей, набережных, проездов, переулков, линий и т. д.).

стремлением закрепить спорные территории, но в любом случае переименования формируют новые геокультурные и геополитические пространства [Герасименко и др., 2020].

Падение коммунистических режимов, вызвавшее кампании переименований во многих странах Центрально-Восточной Европы и бывшего СССР, совпал с бурным развитием критического подхода в социальных науках на теоретической базе, заложенной французскими философами Мишелем Фуко, Жаком Деррида и Пьером Бурдьё. Внимание исследователей все больше фокусируется на связи между названиями улиц и усилиями властей по укреплению или трансформации идентичности граждан на основе пересмотра официальной интерпретации исторического прошлого и конструировании пантеона отвечающих ей символических фигур – политических деятелей, военачальников, писателей, ученых и т. п. [Light, 2004]. Согласно современным исследованиям, номенклатура топонимов представляет собой часть аппарата управления. Их состав в населенном пункте интерпретируется как проявление идеологического контроля над территорией и социального неравенства. Власти монополизируют право на трактовку национальной истории в отражении топонимов и других географических названий. С одной стороны, топонимы как часть повседневной жизни и инструмент ориентации гражданина в городском пространстве влияют на восприятие истории и действовавших в ней персонажей и, следовательно, его национальную, этническую, региональную (городскую) идентичность, а с другой – определяются ею.

Отечественные исследователи выделяют три взаимосвязанных подхода к изучению наименований/переименований географических объектов – критическую топонимику, палимпсестный подход и (ре)концептуализацию места [Герасименко и др., 2020]. Критическая топонимика рассматривает топонимы как символы, вовлеченные в «создание мест» и топонимическое производство пространства [Басик, 2018], а процесс нейминга (наименования) как развитие символических значений места, конструирование социальных практик и обустройство мест общественного пользования. В рамках второго подхода наименования и переименования мест фиксируют формирование новых пластов культурного ландшафта как палимпсеста, а их масштаб и пространственный охват характеризуют новое состояние геокультурного пространства территорий [Герасименко и др., 2020]. В рамках третьего подхода топоним как местоназвание выступает единицей пространственной организации культурного ландшафта, выполняющей пространственно-организационную функцию и функцию концепту-

ализации места [Калуцков, 2008], а наименование или переименование объектов рассматривается как намеренное конструирование места картины мира индивида/сообщества или присвоение ему нового смысла и образа [Калуцков, 2020].

В культурно-географических исследованиях процесс наименований и переименований часто рассматривается как семиотический процесс конструирования нового образа окружающей реальности. Новый топоним индицирует новое значение места в контексте современных изменений в обществе, а нейминг – манифестацию власти в пространстве [Vuolteenaho, Berg, 2009].

В процессе наименования используется несколько технологий: а) «чистка» (*cleansing*) – избавление от топонимов, ассоциирующихся с прежними властями или политическим режимом; б) переучреждение (*refounding*) на новых основах и легитимация нового политического режима; в) реституция (*restoration*) – возвращение прежних названий как знака исторической преемственности, восстановления справедливости, самоопределения или возврата утраченных ранее территорий; г) продвижения (*promotion*) определенного бренда территории с помощью топонимов или персоналий, с которыми связаны позитивные коннотации, в целях обновления символического капитала и улучшения конкурентных позиций в привлечении новых жителей, инвесторов, туристов. Эти базовые технологии обычно используются совместно в разных пропорциях [Giraut, Houssay-Holzschuch, 2016].

Они широко применялись в кампаниях переименований во всех бывших социалистических странах и республиках бывшего СССР после краха коммунистических режимов. Эти кампании были поистине массовыми. Так, в Молдавии из примерно 700 улиц Кишинева в 1990-е гг. переименованы около 500 [Romanova, 2021]. В Будапеште в 1985–2001 гг. изменены названия около 1100 улиц [Palonen, 2008]. В Румынии в первые же годы после свержения Чаушеску переименованию подверглась каждая десятая городская улица [Rusu, 2021]. Этим переименованиям прежде всего в столичных, но иногда также и в других городах посвящено немало публикаций [Azaryahu, 1996; Rózycki, 2018; Palonen, 2008; Light, 2004; Rusu, 2021; Kudriavtseva, 2020; Romanova, 2021]. В большинстве этих исследований анализ политики наименования неразрывно связан с классификацией, изучением семантики топонимов.

Согласно многочисленным исследованиям, посткоммунистические переименования имеют сходную логику и последовательность. Во всех случаях эти кампании означали «чистку» – устранение наиболее одиозных в представлении новых правящих элит и общественного мнения названий, дан-

ных коммунистическими властями. В начальный период, сразу после падения коммунистического режима, переименования инициировались главным образом центральными властями и затрагивали общины для всех бывших социалистических стран названия, подчеркивавшие ориентацию на Советский Союз, например: улицы 1 Мая, 7 Ноября, Советской Армии, проспект Ленина, Московская площадь и т. п. Иными словами, первая посткоммунистическая волна переименований коснулась названий, имеющих наивысший идеологический потенциал, благодаря глобальной известности и значимости персоналий и событий, в честь которых были названы улицы и площади [Buchstaller, Fabiszak, 2021]. Вторая и последующие волны были инициированы не столько центральными, сколько местными властями. Эти волны были связаны с отрицанием роли Советского Союза во Второй мировой войне и приравниванием его к гитлеровскому режиму, интерпретацией послевоенной истории Центральной Европы как оккупации СССР, а затем с отрицанием русской культуры. С карт городов были устранены имена деятелей русской культуры – Пушкина, Толстого и др., а также национальных писателей, композиторов, ученых, обвиненных в сотрудничестве с коммунистическими властями.

Постсоциалистические переименования происходили неравномерно не только во времени, но и пространстве. В первую очередь новые названия получили улицы столиц и крупных городов, а потом уже реформы дошли до прочих городов и сельских поселений. Внутри городов менялись сначала названия крупных магистралей и ключевых площадей, улиц в исторических центрах [Rusu, 2021]. На Украине декоммунизация топонимии началась еще в 1991 г. и продвигалась гораздо активнее на западе страны, тогда как на русскоязычном юго-востоке она шла сравнительно вяло [Kudriavtseva, 2022]. Только после принятия серии законов в 2015 г. и после 2022 г. декоммунизация приняла тотальный характер. Под переименование попали все имена собственные и понятия советского и досоветского развития коммунистической идеи, которые использовались для пропаганды режима, например: *марксизм, трудящиеся, пятилетка, Красная Армия, партизаны* и т. п. Декоммунизация была одновременно попыткой вычеркнуть из истории страны не только советский период, но и более чем три с половиной столетия, в течение которых большая часть ее территории входила в состав единого государства с Россией.

Декоммунизация не была принята общественным мнением однозначно. В повседневной жизни многие граждане воспринимают привычные географические названия, не задумываясь об их идеологической нагрузке, и потому выступают про-

тив их изменений. Привычные, существующие многие десятилетия топонимы служат маркерами пространства, постоянно упоминаются в быту и кажутся совершенно лишенными политических коннотаций, хотя на самом деле глубоко внедряются в общественное сознание [Azaryahu, 1996].

Яркий пример его консерватизма – многолетняя общественная дискуссия о переименовании станции метро Войковская в Москве, носящей имя одного из организаторов убийства императора Николая II и его семьи. В поддержку переименования выступили глава Русской православной церкви, многие авторитетные деятели культуры и видные чиновники. Однако на интернет-референдуме, организованном правительством Москвы, 53% участников проголосовали против переименования (за – 35%). Хотя репрезентативность референдума дискуссионна, большинство наблюдателей считают его результаты соответствующими общественному мнению [Дверь..., 2024].

Главным смыслом реформы городской топонимии в результате декоммунизации стало переучреждение всей ее системы, в основу которой лег национализм – почитание правителей прошлого, способствовавших формированию национального государства и расширению территории, коммеморация периодов наибольшего его влияния, национальных поэтов и других деятелей культуры, героических битв и борцов за национальную независимость, в том числе против «советской оккупации» и коммунистического режима [Palonen, 2008; Young, Kaczmarek, 2008].

Например, в Венгрии памятники и топонимы увековечивают память об антикоммунистическом восстании 1956 г., на Украине – восславляют историю Киевской Руси, казачества, писателей и историков, деятелей национальной культуры и призваны укрепить украинскую политическую и этническую идентичность, обосновывая древнее происхождение украинцев и их демократические традиции, преемственность нынешнего украинского государства с протогосударственными образованиями прошлого.

Наряду с этим наблюдалась тенденция к регионализации и локализации топонимов, в отличие от коммунистического периода, когда власти повсеместно применяли одинаковый набор топонимов. Новые названия гораздо теснее связаны с историей регионов и городов, именами местных деятелей. Налицо также деидеологизация и демилитаризация топонимии: увеличилась доля топографических топонимов, связанных с реками, горами, урочищами, близлежащими населенными пунктами и т. п. [Rusu, 2021]. Эти тенденции отражают как стремление к стабилизации названий,

так и относительное усиление региональной и локальной идентичности, заинтересованность в этом процессе местных элит.

Названиям улиц Москвы посвящены многочисленные публикации. До 1970-х гг. исследователи были сосредоточены главным образом на анализе образования годонимов и других городских топонимов в рамках традиционной ономастики как раздела лингвистики. Однако постепенно изучение московской топонимии становилось все более широким и междисциплинарным, и все больше внимания уделялось этимологии [Поспелов, 1985; Соколова, 1985]. Названия московских улиц рассматривались в контексте истории столицы, ее связей с крупнейшими русскими городами и географическими ориентирами разных времен, а также с индустриальными, миграционными и культурными взаимодействиями в рамках СССР [Саушкин, Глушкова, 1983]. Были выдвинуты версии происхождения названий многих исторических улиц Москвы, рассмотрена история советских годонимов, обоснованы принципы номинации внутригородских объектов [Смолицкая, Горбаневский, 1982; Аверьянов, 2009], рассмотрено соотношение годонимов с радиально-кольцевой планировочной структурой и расширением города, выделены некоторые их категории, в частности по названиям поселений, вошедших в черту столицы или расположенных недалеко от нее. Особенно хотелось бы отметить последнюю книгу Ю.К. Ефремова (1913–1989), географа, историка и многолетнего члена Комиссии по наименованиям улиц при Московском совете [Ефремов, 2006], на которую опирается часть этой работы. В трудах советских и российских ученых установлена общая тенденция к увеличению числа и доли коммеморативных годонимов, показано неуклонное вытеснение в советское время исторических названий, нередко замещаемых годонимами, абстрактными по видимости, но имеющими выраженное идеологическое звучание. Практически все авторы приветствовали формирование локально-тематических групп, или кластеров названий сходной тематики. Специально изучались переименования. В некоторых публикациях отмечена идеологическая и «воспитательная» значимость советских названий [Поспелов, 1985; Соколова, 1985], однако детально и систематически она не была проанализирована. Мало изучена роль всей системы московских годонимов как элемента политического ландшафта города, ее изменения во времени, соотношение разных категорий названий, их специфика, связанная со столичным статусом, в том числе международными функциями, наконец, принципы наименования улиц в Новой

Москве. Настоящая работа, естественно, не может полностью восполнить эти пробелы и нацелена прежде всего на анализ динамики системы годонимов за последнее столетие.

Информационная база и методы. Исследование основывается на базе данных, в которую из всего массива московских годонимов (5376 по состоянию на июнь 2024 г.) авторами было отобрано 727 наименований, имеющих наиболее очевидные политические коннотации, а именно связанные с: 1) коммунистическим режимом и его реалиями, в том числе участниками революций, руководителями советского государства, зарубежными деятелями коммунистического движения; 2) деятелями культуры, искусства, науки, спорта; 3) экономико-географическими объектами (странами, регионами, городами, отраслями хозяйства, предприятиями и т. д.); 4) физико-географическими объектами (реками, горами, озерами и т. д.) (рис. 1).

Первичным источником информации послужил сайт портала «Электронная Москва» [Электронная Москва, 2024]. Затем данные верифицировались по Общемосковскому классификатору улиц Москвы (ОМК УМ), portalу открытых данных Правительства Москвы [Портал открытых..., 2024]. Далее экономико- и физико-географические объекты были категоризированы одновременно по географическому (уровню стран и федеральных округов РФ) и тематическому принципам (см. категории выше). При создании базы данных изучалась история названия улицы, выявлялись ложные или неочевидные² географические названия. Помимо названия улицы, в базу данных были включены год ее наименования, название района и округа Москвы, где она расположена, предыдущие названия и год переименования (при наличии). Особого внимания потребовал учет улиц, которые недавно вошли в состав города, так как многие из них еще не включены в официальные списки, и иногда их названия дублируют уже существующие улицы. При помощи автоматизированного геокодирования места расположения объектов были привязаны к виртуальной карте в ГИС-проекте, созданном в картографическом сервисе QGIS. Качественный анализ проводился на основе кросс-анализа сведений о местоположении улицы и прочей вспомогательной информации для выявления пространственных закономерностей их размещения на территории Москвы.

² Например, Вятская улица названа не по реке Вятке – ее название происходит от слова «вязь». Первоначально улица именовалась «Вязкая». Ростовская набережная названа в честь ростовских архиереев, а не города Ростова, Иерусалимская улица – в честь церкви Иерусалимской иконы Божьей Матери, а не города Иерусалима и т. д.

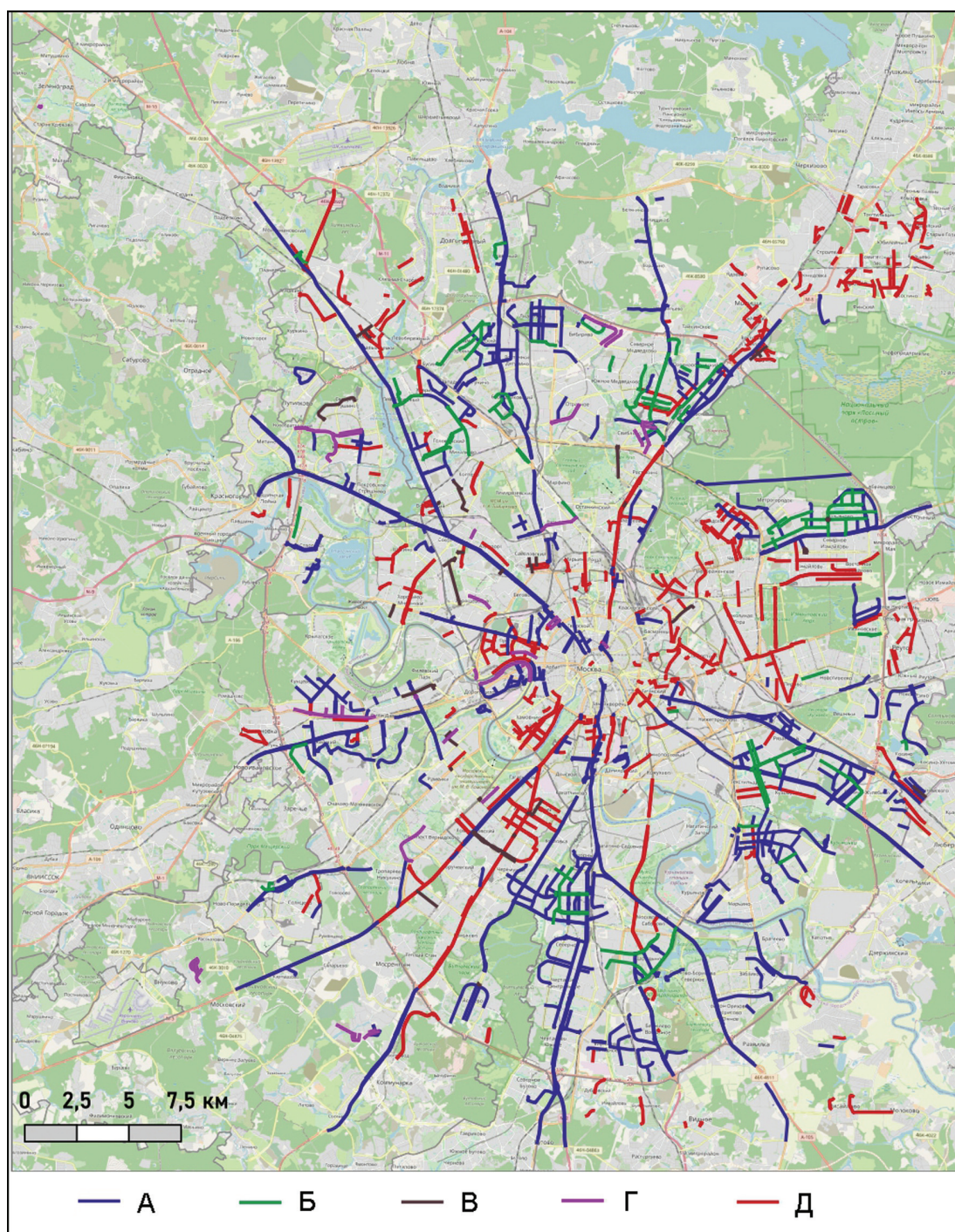

Рис. 1. Типы названий улиц в Москве:

А – по городам, странам, областям; Б – по физико-географическим объектам; В – по именам политических деятелей; Г – по именам деятелей культуры и науки; Д – «коммунистические». *Источник:* составлено А.П. Соболевской по данным портала [Электронная Москва..., 2024]

Fig. 1. Types of street names in Moscow:

A – by cities, countries, regions; Б – by physical-geographical objects; В – by political figures; Г – by cultural and scientific figures; Д – “communist”. *Source:* compiled by A.P. Sobolevskaya and based on data from the portal [Electronic Moscow..., 2024]

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Турбулентное столетие: содержание и смена эпох в названиях столичных улиц. «Чистки» гонимов характерны для периодов сильных со-

циальных потрясений. После Октябрьской революции 1917 г. переименования сильно затронули исторический центр города внутри Садового кольца, в котором за годы советской власти было изменено около 400 названий из тогдашних примерно 600

[Ефремов, 2006]. Коммунистические переименования происходили не только в виде «взрыва», следовавшего за приходом к власти большевиков, но и кампаниями меньшего размаха, и продолжались непрерывно: старые названия менялись в ознаменование юбилейных дат, после смерти «видных деятелей партии и правительства», лидеров коммунистических партий. Таким образом, из политического и культурного ландшафта была убрана весомая часть памяти о восьми веках истории столицы (см. рис. 1).

Многие улицы приобрели одинаковые названия из ограниченного идеологического набора, единого для всей страны: 1 Мая, Октябрьская, Советская, Социалистическая, Коммунистическая, Коммунаров, Красноармейская, Красногвардейская и т. п. Помимо «общесоциалистических», выделяются группы названий, связанных с Московским восстанием в период первой русской революции 1904–1905 гг. и событий 1917 г. При этом обозначилась московская традиция кластеризации топонимов, заложенная еще в дореволюционное время. Большинство переименований в память о революции 1905 г. локализовано в промышленном районе Пресня на северо-западе, где происходили наиболее ожесточенные столкновения восставших с правительственными войсками.

В 1922 г. была образована специальная комиссия при Московском совете, которой было поручено выносить заключения о предложениях по переименованию и упорядочить их [Поспелов, 1985]. Отражая общественное недовольство переименованиями, комиссия в меру возможности сопротивлялась произволу чиновников, стремилась минимизировать негативные для исторических названий последствия идеологических кампаний. Впрочем, вплоть до самого конца советского периода переименования нередко происходили по прямому указанию высших властей в обход комиссии. Со временем, несмотря на повторявшиеся время от времени вспышки преобразований в сложившейся части города, их интенсивность в целом снижалась, и они далеко не всегда были идеологизированными.

Тем не менее в истории московской топонимии сохранились последствия искоренения названий, содержащих корень «царь», часто не имевших никакого отношения к царям. Более того, происходила массовая чистка названий, происходивших от личных имен российских царей – Михаил, Николай, Алексей, Петр, Александр и др. Переименованы многие улицы, названные по домовладельцам. Уничтожались также топонимы, связанные с названиями «эксплуататорских классов» – дворян, купцов, фабрикантов, и именами людей, происшедших из этих сословий, несмотря ни на какие их

заслуги. Наряду с массовым сносом церквей, в том числе исторических, имевших несомненную архитектурную и культурную ценность, переименовывались и названные по ним улицы.

Визитной карточкой советской Москвы, частью ее образа были промышленные предприятия, особенно крупные, занимавшие целые кварталы. Жилье и общежития крупных заводов, принадлежавшие им поликлиники, дома культуры и стадионы обычно строили неподалеку, поэтому деятельность таких предприятий определяла жизнь в обширном районе города. По ним названы многие улицы (Автозаводская, Электrozаводская, Хлебозаводская, Кабельная, Шарикоподшипниковская, Вагоноремонтная, Мартеновская, Силикатная, Хлебобулочная и др.). Многие улицы наименованы по массовым рабочим профессиям (Металлургов, Сталеваров, Строителей и др.). Эти отнюдь не романтические названия имели и идеологическое значение: в советской риторике большое место принадлежало восхвалению рабочего класса как социальной опоры государства, акцентированию передовой роли рабочих в обществе.

Уже начиная с первых лет советской власти быстро возрастало число и доля коммеморативных топонимов, призванных создать новый набор символических фигур. Московский (центральный) пантеон имел особое общегосударственное значение. В первую очередь в него были внесены К. Маркс и Ф. Энгельс, но прежде всего Ленин. Его имя вошло в топонимы во всех производных – Ленинский проспект, улица Ленинская Слобода, Ленинские горы, площадь Ильича, Ульяновская улица. На ранних этапах многие улицы получили имена революционеров-демократов царского времени, руководителей и участников восстаний 1905 и 1917 гг., героев Гражданской войны 1918–1922 гг. Позже пантеон постоянно пополнялся именами скончавшихся партийных руководителей.

Наследие советского периода в топонимии Москвы, как и других советских городов, – обилие топонимов, происходящих от реалий тех лет и имеющих очевидную коннотацию с коммунистическим режимом, например улица Юннатов (Юных натуралистов), Совхозная, Коминтерна. 48 названий начинаются с корня «красно-». Большая их часть либо прямо соотносится с символом революционной борьбы и советским флагом, либо представляет собой производные от него. Даже такие, казалось бы, абстрактные названия, как улица Юности, улица Дружбы или Солнечная ясно отсылают к коммунистическому прошлому, так как отражают официальную идеологию социального оптимизма. Название улицы Юности связано с расположением на ней Высшей комсомольской школы. Улица Дружбы по-

лучила свое название в 1958 г. – период «нерушимой дружбы» между КНР и Советским Союзом, поскольку на ней находится посольство Китая.

Важная черта советской топонимики – обилие улиц с труднопроизносимыми именами, данными «в ознаменование» какого-либо юбилея (800-летия Москвы, 10 лет Октября, 60-летия Октября), праздника или иной даты (улицы 8 Марта, 1812 г., 1905 г. и др.).

С конца 1950-х гг. успехи в космических исследованиях, ядерной физике и некоторых других отраслях знания широко использовались в советской пропаганде, что отразилось в многочисленных топонимах, связанных с наукой. В Москве сосредоточено около трети научных кадров страны. Только улиц, названия которых начинаются со слова «Академика...», насчитывается 54. Не считая конструкторов авиационной и ракетно-космической техники, по нашим подсчетам, в основной части Москвы именами ученых названо 90 улиц. К ним можно добавить улицы Академическую и Большую Академическую, Институтские улицы и т. п. Большая часть таких названий сконцентрирована в Юго-Западном округе и прилегающей к нему части Западного, где расположены большинство институтов РАН, МГУ, Российский университет Дружбы народов и многие другие вузы. В муниципальных районах Обручевский и Коньково две трети улиц названы в честь академиков и прочих ученых. В то же время часть «научных» годонимов приурочена к размещению исследовательских учреждений, учебных заведений и конструкторских бюро в иных районах города.

Список символических фигур, запечатленных в названиях улиц, включал имена официально «одобренных» писателей и поэтов, композиторов и художников – как умерших до революции (Пушкин, Чехов, Толстой), так и авторов, поддерживавших коммунистический режим в своих произведениях или общественной деятельности. В пантеон поэтому вошли в том числе посредственные, давно забытые писатели. Однако этой чести не удостоились многие почитаемые до сих пор авторы, широко известные в стране и за рубежом, если они «запятнали» себя «неправильными» произведениями, эмиграцией или были верующими, например Михаил Булгаков, Андрей Платонов, лауреаты Нобелевской премии по литературе Борис Пастернак и Иосиф Бродский и др. Возведение памятника видному писателю «дублировалось» переименованием улицы, на которой он был установлен, даже если она не была напрямую связана с его биографией.

Одной из доминант политического ландшафта Москвы в сочетании с отдельными памятниками и крупными мемориалами стали названия, связанные с событиями и героями Великой Отечественной войны. На памятники им приходится 42% общего чис-

ла монументов, а если к ним прибавить памятники полководцам – участникам войны, то еще больше [Kolosov, Zotova, 2023]. Память о победе – одна из основ современной российской идентичности. Так, 31 улица столицы носит имена Маршалов Советского Союза и родов войск, еще 11 – генералов – участников войны. Каждая «круглая» годовщина победы отмечалась наименованием ряда улиц в честь героев войны. При этом большая часть «маршальских» улиц расположена в одном районе на северо-западе города, где в первые послевоенные годы с участием немецких военнопленных было построено несколько кварталов жилых домов для офицеров – сотрудников военных ведомств и академий.

Реституция исторических годонимов происходила лишь в 1990–1993 гг. по инициативе демократически избранного Московского совета. Его решения были реализованы правительством города лишь в конце 1994 г. Они затронули около 150 годонимов из существовавших тогда примерно 3500, почти исключительно в центре. Многочисленные предложения по дальнейшей реституции и «пакетным» переименованиям так и остались на бумаге. Власти ссылались на значительные затраты, технические и политические трудности. Список возвращенных названий показывает, что реституция предполагала отказ не только от сугубо «идеологических» названий, но и замену весьма достойных имен, например крупных поэтов XIX в. Михаила Лермонтова и Александра Грибоедова, Александра Островского, Евгения Вахтангова, Ильи Репина, Адама Мицкевича и др.

«Топонимы в годонимах»: Москва как центр губернии, региона, столицы страны и империи. Для Москвы, как и для многих других городов, всегда были характерны названия улиц по населенным пунктам, куда вели начинающиеся от них дороги, другим ближним и дальним городам и поселениям. Всего, по нашим подсчетам, названий улиц по топонимам в российской столице примерно в 1,6 раза больше (371), чем коммунистических.

На использование топонимов в Москве, как и в Петербурге [Аксенов, 2024], оказал сильное влияние ее столичный статус. Москва отличается особенно широким набором и географическим распределением топонимов в названиях ее улиц. В московских годонимах отчетливо различаются «слои», отсылающие к различным этапам истории страны – расширения Московского княжества, а затем Московского царства, Российской империи, Советского Союза, в том числе освоения территорий Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Однако, судя по структуре годонимов, Москва предстает прежде всего как центр исторической России, бывшего Московского княжества, а затем

губернии и области [Смолицкая, Горбаневский, 1982]. В целом по городу с большим отрывом преобладают топонимы теперешнего Центрального федерального округа (ЦФО) (рис. 2). На них приходится 59% «географических» названий, а среди них – на названия самых близких городов и поселков современной Московской области – около 21%. Показательно, что из 52 названий улиц по топонимам

в историческом центре Москвы в границах ее Центрального административного округа окружающие области ЦФО представлены 41 названием, причем 25 из них были даны до начала XX в. С учетом небольшого числа сохранившихся годонимов, данных до XX в., это немало. Самые древние названия носят улицы или площади, с которых начинается дорога в соседние города, например в Тверь.

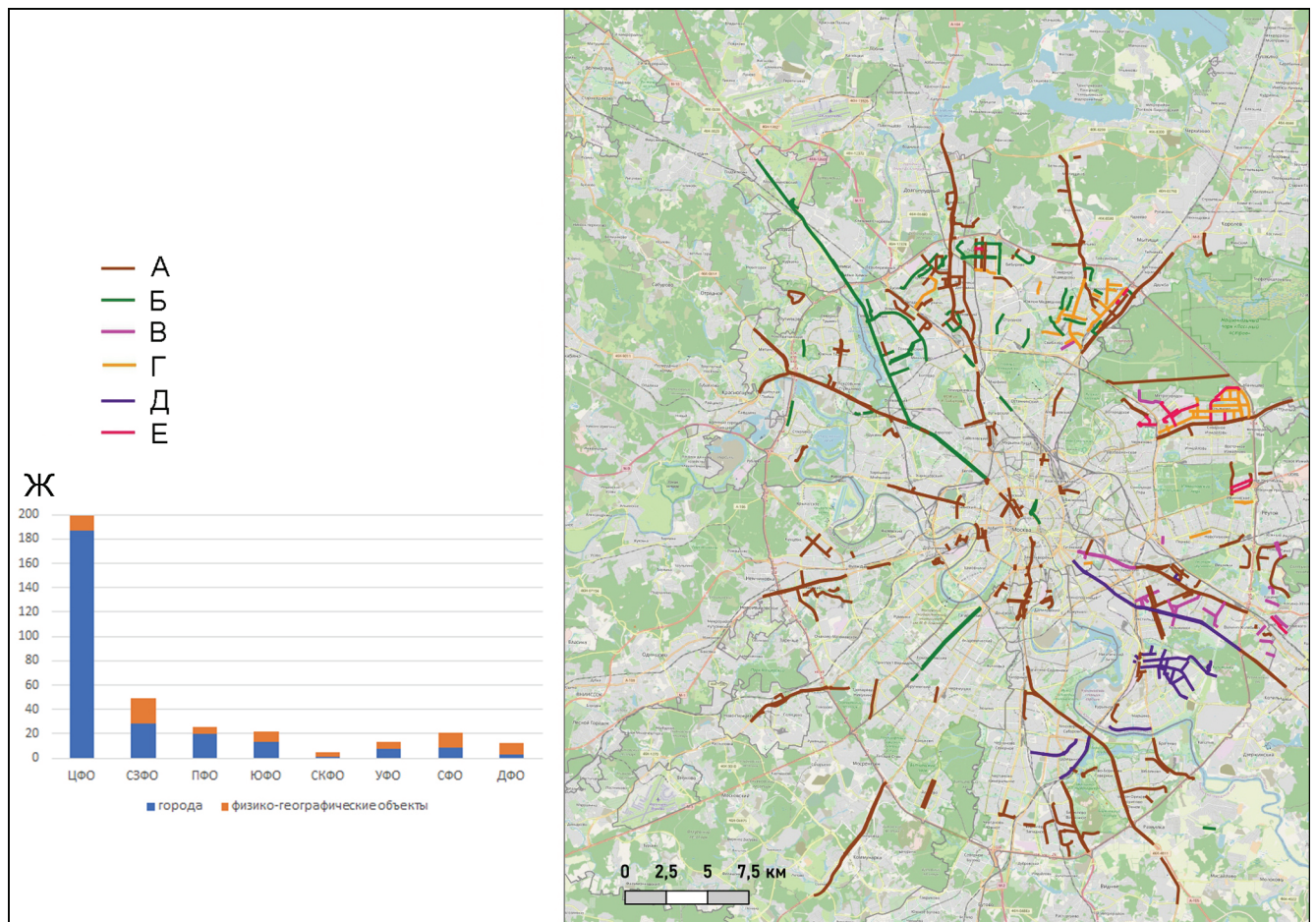

Рис. 2. Распределение топонимов по федеральным округам:
А – ЦФО; Б – СЗФО; В – ПФО; Г – СФО и ДФО; Д – СКФО и ЮФО; Е – УФО; Ж – распределение по типам названий.
Источник: составлено А.П. Соболевской по данным портала [Электронная Москва..., 2024]

Fig. 2. Distribution of toponyms used in the names of the streets by federal districts:
А – CFD; Б – NFDi; В – VFD; Г – SFD and FEFD; Д – NCFD and SFD; Е – UFD; Ж – by type of name. Source: compiled by
A.P. Sobolevskaya and based on data from the portal [Electronic Moscow..., 2024]

Вскоре после начала индустриального строительства стандартных многоэтажных домов в начале 1960-х гг. в Москве решили давать быстро возникавшим новым улицам названия регионов страны, находящихся с соответствующей стороны света. Это гипотетически давало возможность лучше ориентироваться в городе, но самое главное, подчеркивало разнообразие и необъятность территории страны.

Столичный статус Москвы сказывается в том, что в названиях улиц представлены все восемь федеральных округов России, причем в сравнительно малом числе, за исключением Северо-Кавказского (см. рис. 2). Однако все же топонимы других федеральных округов, помимо Центрального и в меньшей степени Северо-Западного, в котором расположен Санкт-Петербург, встречаются значительно реже.

В два этапа, в 1964 и 1986 гг., недалеко от исторического Ленинградского проспекта в сегодняшних Северном и Северо-Восточном округах Москвы возникла целая группа улиц, названных по городам севера России (см. рис. 2). Некоторые из этих улиц до 1960 г. входили в присоединенные к Москве город Бабушкин, поселок Ховрино и другие населенные пункты, поэтому одновременно устранялось дублирование названий с остальной территорией.

После 1964 г. в районе тогдашних новостроек на северо-востоке и востоке Москвы возникло и два компактных кластера улиц, носящих сибирские, уральские и дальневосточные названия. Не забыта и Арктика – важная ресурсная территория, активное присутствие в которой всегда было одним из российских геополитических приоритетов: 11 названий городов и рек Крайнего Севера даны в основном еще в начале 1960-х гг. кластеру улиц на севере города. С этими топонимами сочетаются имена полярных исследователей (С. Дежнева, Я. Санникова, Р. Амундсена, Ф. Нансена и др.), которые носят соседние улицы.

На этом фоне удивительна относительная скудность топонимов по названиям и известным людям российских республик (бывших автономий). Таких названий всего десять, из них пять – по топонимам Карелии. Совсем нет топонимов по республикам Сибири и Северного Кавказа.

В политическом ландшафте Москвы как столицы бывшего СССР осталось много символов, хранящих память о том, что новые независимые государства в течение многих веков или десятилетий входили в состав общего с Россией государства, – памятники выдающимся деятелям их титульных национальностей, названия объектов и, конечно, топонимы. В отличие от стран Балтии, Украины, Молдавии и других республик, ни одна улица из этого списка не была переименована. Наоборот, сохранение всех его названий призвано символизировать стабильность и преемственность нынешней российской геополитической картины мира, важность связей с бывшими регионами общей страны, а в случае Украины – принадлежность ее части «русскому миру» и включение «новых территорий» в состав России.

Как правило, названия в честь советских республик, их городов и известных людей получали новые улицы на периферии города, располагающиеся в соответствующих географическом положению республики по отношению к Москве направлениях (рис. 3). Десять улиц именуются по белорусским городам (компактно на западе города), но всего три – по казахстанским топонимам. Удостоились «своих» топонимов и балтийские республики: Латвия – пяти, Литва – четырех, Эстония – двух. Восемь названий

приходится на три республики Южного Кавказа. На юго-востоке представлено несколько названий городов Узбекистана, но таджикских и киргизских названий нет вовсе.

Из 108 названий в честь союзных республик 73 (67,6%) имеют отношения к Украине – свидетельство важнейшей экономической и политической роли этой республики в СССР. Большинство этих улиц расположено компактным массивом в районах Южного и Юго-Западного округов, т. е. в направлении магистралей, ведущих на Украину, образуя своего рода «украинский квартал». Основные исключения составляют, во-первых, несколько улиц около Киевского вокзала, в том числе Украинский бульвар – бульварно-парковая зона, окруженная престижными жилыми домами, и во-вторых, несколько улиц в давно поглощенном Москвой городе Кунцево, где украинские топонимы использовали во избежание дублирования. Примечательно, что «украинские» улицы получили свои названия не в ходе единой кампании, но в разные годы – следовательно, символическая политика по отношению к Украине не менялась.

Немало улиц названо не только в честь крупных областных центров Украины, но и сравнительно небольших городов (например, Синельниково, Красного Лимана, Изюма, Никополя, Иловайска). При этом нет улиц, носящих имена западноукраинских областных центров и других городов: Львова, Тернополя, Ровно, Луцка, Ужгорода. Преобладают топонимы восточных, русскоязычных регионов, особенно крымские и донбасские. При этом в названиях московских улиц увековечено всего пять украинских деятелей: это национальный поэт Тарас Шевченко, писатели конца XIX – начала XX в. М. Коцюбинский и И. Франко, советский писатель А. Корнейчук и кинорежиссер А. Довженко.

Международные функции столицы России в зеркале топонимов. Появление зарубежных топонимов и антропонимов в названиях улиц было знаком усиления открытости страны, политического сближения с другими государствами. Нередко такие номинации были приурочены к важным государственным визитам или юбилейным датам. Привлечение зарубежных топонимов и антропонимов было призвано способствовать формированию у граждан определенного геополитического видения мира – выделению дружественных стран и приоритетов в международных отношениях, отношения к действующим за рубежом политическим силам.

Таких топонимов в столице довольно много – около 8% от общего числа. Преобладающая часть «зарубежных» топонимов – названия в память о политиках (33), деятелях культуры и науки (17). Еще в первые годы после революции 1917 г. несколькими

улицам были присвоены имена немецких марксистов – А. Бебеля, К. Маркса, Ф. Энгельса, Р. Люксембург, К. Цеткин (1922–1923). Однако после этого, в сталинскую эпоху и в первые годы по ее окончании, новых зарубежных названий не возникло.

Дальнейшие наименования в честь зарубежных персон последовали фактически только начиная с 1960-х гг. Присвоение московским улицам таких топонимов происходило обычно по прямому указанию центральных властей или во всяком случае по согласованию с ними после гибели или естественной смерти близких к Советскому Союзу политических деятелей. Так, на карте Москвы появились имена погибшей в результате покушения

премьер-министра Индии И. Ганди (1985), руководителей коммунистических партий Вьетнама – Хо Ши Мина и Л. Зуана (соответственно 1969 и 1987 гг.), Аргентины – В. Кодовилья (1970), борца за независимость Гвинеи-Бисау и Кабо Верде А. Кабрала (1974), погибших в тюрьме коммунистов – иракского С. Адиля (1963) и испанского Х. Гримау (1963), левого социалиста, президента Чили С. Альенде (1973), многолетнего лидера Югославии И.Б. Тито (1980). В московских топонимах были увековечены также идейно близкие представители зарубежной творческой интеллигенции – писатели, журналисты, историки: З. Неедла, Ю. Фучик, Я. Гашек, Р. Роллан и др.

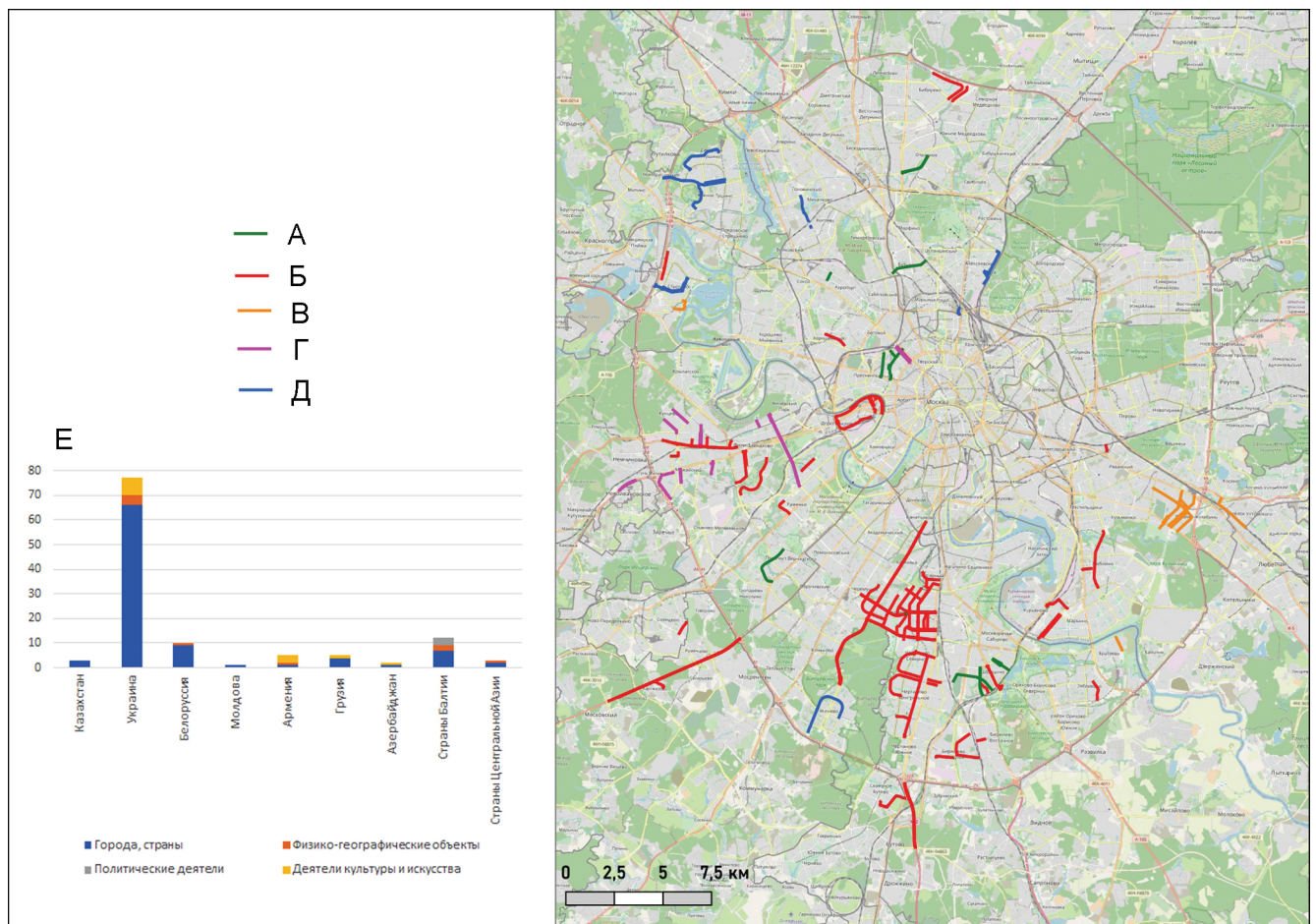

Рис. 3. Распределение топонимов по бывшим республикам СССР:

А – Южный Кавказ; Б – Украина; В – Центральная Азия; Г – Беларусь; Д – страны Балтии; Е – распределение по типам названий. *Источник:* составлено А.П. Соболевской по данным портала [Электронная Москва..., 2024]

Fig. 3. Distribution of toponyms used in the streets' names by the former USSR republics:

A – South Caucasus; Б – Ukraine; В – Central Asia; Г – Belarus; Д – Baltic countries; Е – by types of names.

Source: compiled by A.P. Sobolevskaya and based on data from the portal [Electronic Moscow..., 2024]

Знаком солидарности, символом перестройки и редким исключением стало наименование в 1987 г. московской улицы, на которой расположено посольство Швеции, именем премьер-министра этой страны Улофа Пальме вскоре после его трагической

гибели. В ту же эпоху одна из площадей города получила имя Шарля де Голля (1990).

Локализация таких топонимов была иногда приурочена к расположению организаций, связанных с международной деятельностью, иностранными

государствами и их представителями. Кластер го-
донимов в честь зарубежных коммунистических
и левых деятелей (Л. Лонго, С. Альенде, В. Уль-
брихта, Г. Георгиу-Дежа) на северо-западе Москвы
был связан с близостью к Институту обществен-
ных наук (ИОН) при ЦК КПСС, который готовил
кадры для коммунистических и леворадикальных
партий и национально-освободительных движе-
ний (рис. 4). На улице Ю. Фучика рядом с улицей

Я. Гашека, названных так в 1963 г., в комплексе
монументальных зданий бывшего посольства Че-
хословакии, построенных в «сталинском» стиле
в 1954–1955 гг., теперь расположены посольства
Чехии и Словакии. Улицы рядом с Университетом
Дружбы народов и общежитием МГУ для ино-
странных студентов названы в память о первом
президенте Мозамбика (тогда «страны социали-
стической ориентации») С. Машела.

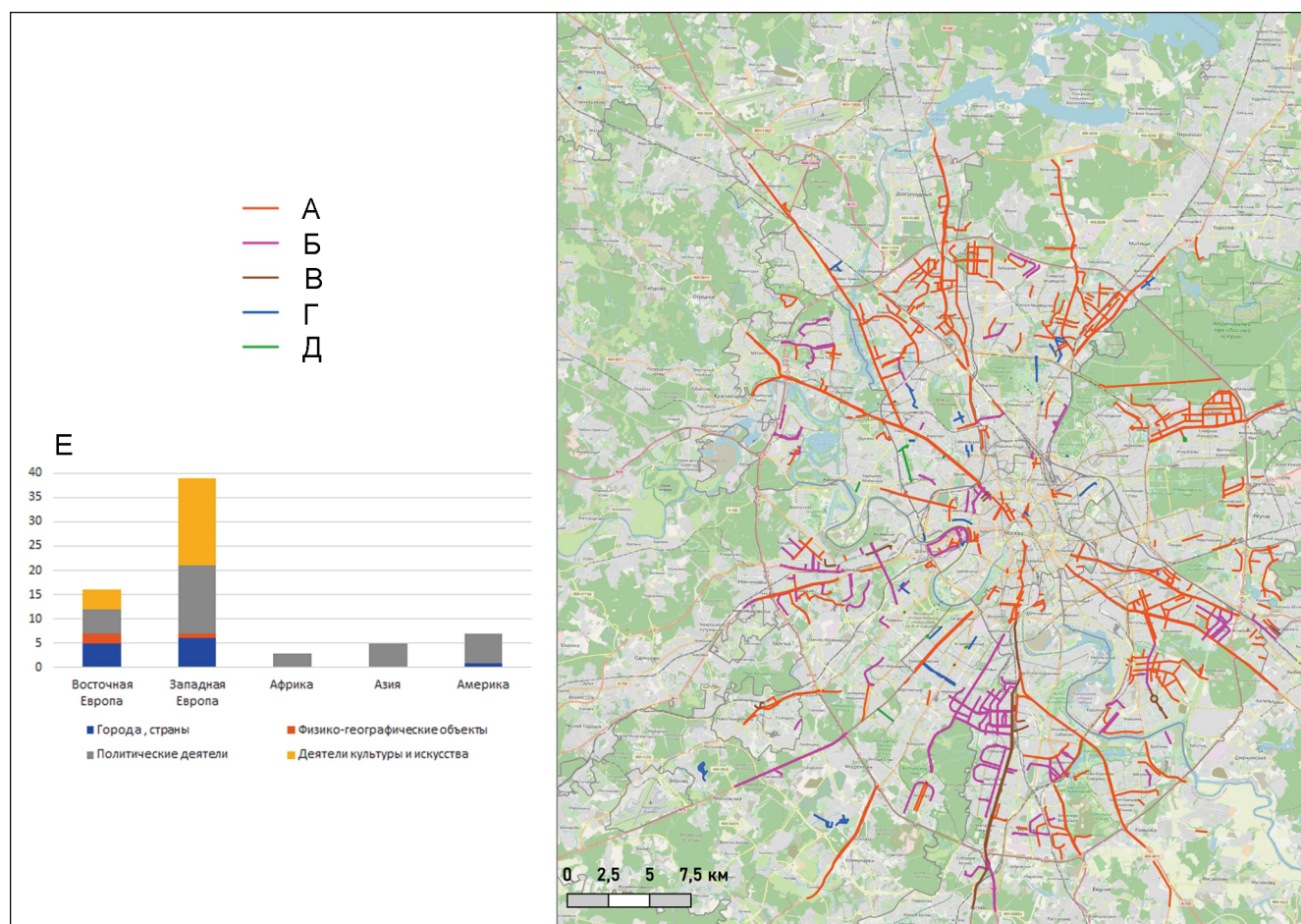

Рис. 4. Улицы, названные в честь государств:

А – России; Б – стран бывшего СССР; В – бывших социалистических стран; Г – стран Европы; Д – остальных стран; Е – распределение по типам названий. *Источник:* составлено А.П. Соболевской по данным портала [Электронная Москва..., 2024]

Fig. 4. Streets named after countries:

A – Russia; Б – countries of the former USSR; В – former socialist countries; Г – European countries; Д – other countries; Е – by types of names. *Source:* compiled by A.P. Sobolevskaya and based on data from the portal [Electronic Moscow..., 2024]

Постсоветские наименования по имени зару-
бежных деятелей отражают политические ориенти-
ры постсоветской России. При этом по-прежнему
соблюдается принцип кластеров. Так, в Северном
округе дополнен новыми названиями кластер улиц,
названных в честь зарубежных левых деятелей, воз-
главлявших дружественные России государства, –
президента Венесуэлы У. Чавеса и кубинского лиде-
ра Ф. Кастро, которому здесь установлен памятник.

На юго-западе в 2023 г. появились памятник и пло-
щадь Н. Манделы, дополняющие соседние площа-
ди И. Ганди и Д. Неру.

Отражая маркетинговую политику девелоперов,
в 2023 г. в Новой Москве с целью продвижения
бренда жилого комплекса, застраиваемого одной
из крупных компаний, появился кластер улиц,
названных в честь выдающихся испанских деятелей
культуры (Ф. Гарсия Лорки, А. Гауди, М. Серванте-

са, П. Пикассо), имена которых имеют безусловно положительные коннотации. По тем же причинам в коттеджном поселке Бристоль ряд улиц получил имена английских писателей – Ч. Диккенса, У. Шекспира, Р. Кипплинга.

Значительно меньше (только 15%) топонимов приходится на названия по топонимам зарубежных городов, стран, физико-географических объектов (см. рис. 4). Из городов и стран на карте Москвы представлены Варшава, Амстердам, Братислава, Севилья и Аргентина. При этом два топонима принадлежат к числу исторических: Варшавское шоссе унаследовало свое название от Московско-Варшавского тракта, построенного в первой половине XIX в. после четвертого раздела Польши. Название Астрадамской улицы восходит к искаженному названию города Амстердама, который так называл в своих письмах Петр I.

Названия физико-географических объектов, расположенных за пределами страны, на карте Москвы редки. Условную связь с физической географией имеет площадь между Киевским вокзалом и Бережковской набережной Москвы-реки: в рамках совместного проекта России и Бельгии в 2002 г. она была названа в честь Европы и символизировала единение континента. На площади были установлены флаги 48 государств Европы и авангардистский памятник бельгийского скульптора Оливье Стребеля «Похищение Европы». В июле 2024 г. площадь Европы была переименована в площадь Евразии, а флаги европейских стран были сняты.

ВЫВОДЫ

Городские топонимы – важный и один из наиболее динамичных элементов политического ландшафта города. Процесс переименований и номинации новых улиц, появляющихся на карте города в процессе его реконструкции и/или расширения застройки, протекает непрерывно. В то же время вся система топонимов сравнительно инерционна, поскольку даже частные переименования улиц новыми влечет затраты и часто долгие дебаты и конфликты.

Однако после Октябрьской революции 1917 г. радикальная смена политического режима вызвала в Москве кампанию массовых переименований, ибо новые власти нуждались в демонстрации и легитимации своего идеологического контроля над городом, продвижении проповедуемых ими политических ценностей, создании своего пантеона героев и выдающихся личностей и на этой основе – новой национальной идентичности. Топонимы и тем более топонимы особенно важны в столице как витрине достижений любой страны. Перестройка топонимической системы города происходит в ходе четырех процессов – «чистки» (устранения)

наиболее идеологически нагруженных старых названий, переутверждения основ наименования на новых принципах, реституции (возвращения) старых названий и продвижения бренда территории в коммерческих или иных целях [Giraut, Houssay-Holzschuch, 2016].

В результате переименований, не прекращавшихся практически до самого распада Советского Союза, и масштабной территориальной экспансии Москвы большая часть столичных топонимов – продукт советской эпохи. В них ярко отражается ее содержание: лозунги, выдвинутые в разные периоды, прославление революционеров, руководителей партии и государства, героев гражданской и ВОВ, демонстрация интернационализма, единства народов СССР, социалистического переустройства хозяйства и всей жизни, индустриализации, исследований космоса, освоения Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока и т. д.

Переименования в первые постсоветские годы ограничились в основном наиболее известными улицами и площадями исторического центра, а потом были заморожены. Не были заменены даже названия по явно противоречивым фигурам советского прошлого. В набор московских топонимов не вернулись названия в честь правителей России. В отличие от других городов страны, в нем очень мало имен государственных деятелей дореволюционного прошлого, деятелей культуры, преследовавшихся или запрещенных при советской власти, церковных названий. Фактически не наблюдается даже типичной для некоторых стран Центрально-Восточной Европы гибридизации реликтов советского прошлого и динамичного настоящего: отсветы попыток построить новую политическую или русскую этническую идентичность если и можно усмотреть в новых топонимах, то крайне слабые.

Главная черта системы названий московских улиц – почти полная преемственность с советской эпохой и принятыми тогда принципами наименования. В отличие от других постсоциалистических стран, в этом проявляется ее интерпретация не как трагического отступления от «нормальности», но как закономерного этапа национальной истории.

Не изменилась и геополитическая картина мира в отражении топонимов. Сохранилось разделение стран мира на дружественные и недружественные: доля названий, связанных с недружественными странами, осталась очень низкой. Неизменность названий по бывшим советским республикам подчеркивает не только отказ от использования топонимов по топонимам в политических целях и прагматическую заинтересованность в стабильности топонимии, но и сохраняющуюся роль России как ведущего игрока на постсоветском пространстве.

Москва предстает в зеркале топонимов одновременно как крупная многофункциональная агломерация, к которой исторически тяготеют обширные территории, древняя столица России, бывший центр великой империи и макрорегиона мира, ставший мировым городом. Коммеморативные топонимы Москвы носят главным образом имена национальных деятелей культуры, военачальников, политиков, героев отечественных войн. Улицы столицы чаще, чем в других городах, за исключением Санкт-Петербурга, названы в честь зарубежных стран, городов и известных людей. К особенностям московской системы топонимов относится также и такая унаследованная от советской эпохи «нестолличная» черта, как обилие улиц, названных по предприятиям и рабочим профессиям.

Символический капитал столицы усиливает общероссийская известность многих топонимов исторического центра и основных магистралей, таких как один из национальных символов – Красная площадь, Тверская улица, Арбат и др. Увеличению символического капитала Москвы способствует концентрация близких названий в кластерах и соче-

тание однородных топонимов с другими элементами политического ландшафта – соответствующими им памятниками и мемориалами, названиями государственных учреждений и т. п.

Тем не менее система столичных топонимов меняется, хотя и медленно. Москва не стала исключением из общей для бывших социалистических стран тенденции увеличения доли деидеологизированных, нейтральных, локальных названий, особенно наследующих названия деревень и элементов ландшафта Новой Москвы. Совсем недавно там появились и несвойственные раньше городу названия по именам московских князей феодальной эпохи – Симеона Гордого и Ивана Калиты. Ряд улиц получил имена крупных испанских и британских писателей и художников. Несколько улиц названы в честь недавно ушедших из жизни крупных советских и российских артистов и композиторов. Новые названия не случайно присвоены в основном улицам именно в недавно присоединенной новой части Москвы, в которой полномочия по наименованию объектов пока принадлежат сохранившим автономию местным советам поселков и городов.

Благодарности. Статья подготовлена по материалам исследований по теме Государственного задания ИГ РАН № 124032900015-3 (FMWS-2024-0008). Авторы выражают благодарность участникам проекта SPACEROL (Project-ANR-21-CE22-0023) за обсуждения материалов статьи, а также студентке географического факультета МГУ А.П. Соболевской за сбор данных и подготовку картографических материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверьянов К.А. История Московских районов. М.: Астрель, АСТ. 2005. 830 с.
- Аксенов К.Э. Символический геополитический капитал и городское пространство // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 67–88.
- Басик С.Н. Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Географический вестник. 2018. № 1(44). С. 56–63.
- Вендина О.И., Гриценко А.А. От нарративов к монументам: символическая трансформация культурного ландшафта Калининградской области // Журнал фронтальных исследований. 2024. Т. 9. № 2. С. 134–171.
- Вендина О.И., Карпенко М.С. Топонимический ландшафт Казахстана пограничья с Россией: культурная суверенизация и политика переименований // Журнал фронтальных исследований. 2023. Т. 8. № 4. С. 277–305.
- Герасименко Т.И., Исканиев Д.Ж. Процессы трансформации топонимов на географической карте Казахстана (конец XIX – начало XXI века) // Наука. Инновации. Технологии. 2021. № 3. С. 23–42.
- Герасименко Т.И., Калущков В.Н., Коломейцева О.В. и др. Топонимия Ближнего Зарубежья: 100 лет переименований. Атлас-справочник. М., 2020. 255 с.
- Ефремов Ю.К. Московских улиц имена. М.: Вече, 1997. 512 с.
- Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
- Калущков В.Н. Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 57–69.
- Манаков А.Г. Топонимический ландшафт российско-эстонского и российско-латвийского порубежья // Культурный ландшафт Пограничья: прошлое, настоящее, будущее. Псков: ПГУ, 2018. Т. II. С. 56–64.
- Митин И.И. Топонимический палимпсест: переименования как символическое (пере)конструирование пространства и места // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17. № 4. С. 73–83.
- Поспелов Е.М. Географические названия в Москве // Вопросы географии. Сб. 126. М., 1985. С. 126–137.
- Саушкин Ю.Г., Глушкова В.Г. Москва среди городов мира. М.: Мысль, 1983. 285 с.
- Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. Топонимия Москвы. М.: Наука. 1982. 176 с.
- Соколова Т.П. Обзор литературы о топонимии Москвы // Вопросы географии. 1985. Сб. 129. С. 179–186.
- Azaryahu M. The Power of Commemorative Street Names, *Environment and Planning D Society and Space*, 1996, no. 14, p. 311–330.

- Buchstaller I., Fabiszak M.* Editorial: ideology and commemoration in the urban space, *Linguistics Vanguard*, 2021, no. 7(s5), p. 1–10.
- Cosgrove D.E.* *Social Formation and Symbolic Landscape*, Univ of Wisconsin Press, 1998, 332 p.
- Débarbieux B.* *L'espace de l'imaginaire. Essais et détours*, Paris, Edition du CNRS, 2021.
- Giraut F., Houssay-Holzschuch M.* Place Naming as Dispositif: Toward a Theoretical Framework, *Geopolitics*, 2016, DOI: 10.1080/14650045.2015.1134493.
- Kliot N., Mansfeld Y.* The political landscape of partition. The case of Cyprus, *Political Geography*, 1997, no. 16(6), p. 495–521.
- Kolosov V.A., Zotova M.V.* Evolution of the political landscape of Moscow as capital, *Regional Research of Russia*, 2023, no. 5(13), p. S40–S54.
- Kudriavtseva N.* Reconfiguring identities within the cityscape: ideologies of decommunization renaming in Ukraine, *Ideology and politics*, 2020, no. 1(15), p. 2–21.
- Light D.* Street names in Bucharest, 1990–1997: Exploring the modern historical geographies of post-socialist change, *Journal of Historical Geography*, 2004, no. 30(1), p. 154–72.
- Palonen E.* Building a New City through a New Discourse: Street Naming Revolutions in Budapest, *The Political Life of Urban Streetscape: Naming, Politics, and Place*, R. Rose-Redwood, D. Alderman, M. Azaryahu (eds.), Routledge, Abingdon, 2017, p. 98–113.
- Romanova A.* Political Dynamics of Urban Hodonyms: A Case of Chisinau, Moldova, *Urbana*, 2021, no. 22, p. 132–143.
- Różycki B.* Renaming urban toponymy as a mean of redefining local identity: the case of street decommunization in Poland, *Open Political Science*, 2018, no. 1, p. 20–31.
- Rusu M.S.* Street naming practices: A systematic review of urban toponymic scholarship, *Onoma*, 2021, no. 56, p. 269–292.
- Young C., Kaczmarek S.* The Socialist Past and Postsocialist Urban Identity in Central and Eastern Europe. The Case of Łódź, Poland, *European Urban and Regional Studies*, 2008, no. 15(1), p. 53–70.
- Vuolteenaho J., Berg L.D.* Towards critical toponymies, *Critical toponymies. The contested politics of place naming*, L.D. Berg, J. Vuolteenaho (eds.), Farnham, Burlington, Ashgate, 2009, p. 1–18.
- Электронные ресурсы
- Дверь в 17-й год. Почему переименование Войковской стало общенациональной проблемой. URL: <https://lenta.ru/columns/2015/11/12/mavzol/> (дата обращения 15.12.2024).
- Электронная Москва. URL: <http://mosopen.ru/streets> (дата обращения 13.08.2024).
- Портал открытых данных. Правительство Москвы. URL: <https://data.mos.ru> (дата обращения 17.07.2024).

Поступила в редакцию 18.06.2025

После доработки 08.07.2025

Принята к публикации 28.08.2025

CHANGES OF THE MOSCOW HODONYM SYSTEM AS A WAY OF INTERPRETING SOCIAL REALITY

V.A.Kolosov¹, M.V.Zotova²

^{1,2} *Institute of Geography RAS, Laboratory of Geopolitical Studies*

¹ *Head of the Laboratory, D.Sc. in Geography; e-mail: vladimirkolossov@gmail.com*

² *Senior Scientific Researcher, Ph.D. in Geography; e-mail: zotova@igras.ru*

The paper analyzes the ways of interpreting social reality and producing symbolic resources in Moscow by changing the system of streetnames (hodonyms) which are the most widespread and used class of urban toponyms. Hodonyms are considered as an important and the most dynamic element of the political landscape of a city. The study is based on geoinformation analysis of the database created by selecting streetnames with political connotations from the Moscow hodonyms of the portal “Electronic Moscow”. These are associated with: 1) the communist regime and its realities; 2) cultural and art persons; 3) economic-geographical objects; 4) physical-geographical objects. Spatial patterns of naming Moscow streets were studied. The use of key technologies of (re)naming streets in the capital is analyzed, including “cleansing”, re-establishment, restitution and promotion. The first wave of renaming after the 1917 revolution led to a significant change in the political and cultural landscape of the city by changing more than 65% of the names, primarily those associated with royal dynasties, noble and merchant families, monasteries and churches. The second wave, i. e. the post-Soviet restitution, affected only about 5% of streets, mainly located in the center. Therefore, the modern system of Moscow street names is to a high degree inherited from the Soviet era and the naming principles adopted then. More than 30% of hodonyms are still directly related to the communist regime and its realities. According to the structure of streetnames, Moscow appears first of all as a center of historical Russia, the former Moscow principality, and then the province and region. The capital preserves the tradition of clustering hodonyms, laid down in pre-revolutionary times. There are clusters associated with places of violent clashes during revolutionary periods, clusters associated with regions of the country located towards the corresponding corners of the

earth, and clusters associated with the location of organizations associated with international activities, foreign states and their representatives. The mirror of toponyms reflects the image of Moscow as a capital of Russia, collecting the surrounding territories, a former center of the great empire and macroregion of the world, as well as a large multifunctional agglomeration and a world city.

Keywords: political landscape, capital, toponym, urban environment, placenames, toponymic landscape

Acknowledgements. The paper is based on the materials resulting from the study conducted under the State Assignment of the Institute of Geography RAS, Project No. AAAA-A19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008). The authors express their gratitude to the participants of the SPACEPOL project (Project-ANR-21-CE22-0023) for discussions on the paper materials, and to A.P. Sobolevskaya, student of the MSU Faculty of Geography, for collection of data and compilation of cartographic materials.

REFERENCES

- Aksenov K.E. Simvolicheskij geopoliticheskij kapital i gorodskoe prostranstvo [Symbolic geopolitical capital and urban space], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2024, no. 1, p. 67–88. (In Russian)
- Averyanov K.A. *Istoriya Moskovskih rajonov* [History of Moscow districts], Moscow, Astrel, AST Publ., 2005, 830 p. (In Russian)
- Azaryahu M. The Power of Commemorative Street Names, *Environment and Planning D: Society and Space*, 1996, no. 14, p. 311–330.
- Basik S.N. Critical toponymy as a direction of geographical research: problems and prospects [Kriticheskaya toponimika kak napravlenie geograficheskix issledovanij: problemy i perspektivy], *Geogr. vestn.*, 2018, no. 1, p. 56–63. (In Russian)
- Buchstaller I., Fabiszak M. Editorial: ideology and commemoration in the urban space. *Linguistics Vanguard*, 2001, no. 7, p. 1–10.
- Cosgrove D.E. *Social Formation and Symbolic Landscape*, Univ of Wisconsin Press, 1998, 332 p.
- Debarbieux B. *L'espace de l'imaginaire. Essais et détours*, Paris, Edition du CNRS, 2021.
- Efremov Yu.K. *Moskovskih ulic imena* [Names of Moscow streets], Moscow, Veche Publ., 1997, 512 p. (In Russian)
- Gerasimenko T.I., Iskaliyev D.Zh. Processy transformacii astionimov na geograficheskoi karte Kazaxstana (konec XIX – nachalo XXI veka) [Transformation processes of the toponyms on the geographical map of Kazakhstan (late XIX – early XXI centuries)], *Nauka. Innov. Tekhnol.*, 2021, no. 3, p. 23–42. (In Russian)
- Gerasimenko T.I., Kalutskov V.N., Kolomeitsev O.V., et al. *Toponimiya Blizhnego Zarubezh'ya: 100 let pereimenovaniy. Atlas-spravochnik* [Toponymy of the Near Abroad: 100 Years of Renaming. Atlas-reference], Moscow, 2020, 255 p. (In Russian)
- Giraut F., Houssay-Holzschuch M. Place Naming as Dispositif: Toward a Theoretical Framework, *Geopolitics*, 2016, DOI: 10.1080/14650045.2015.1134493.
- Kalutskov V. Konceptualizaciya geograficheskogo prostranstva: onomasticheskie aspekty [Conceptualization of Geographical Space: Onomastic Aspects], *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 19, Lingvist. Mezhkult. Kommun.*, 2020, no. 1, p. 57–69. (In Russian)
- Kalutskov V.N. *Landshaft v kul'turnoj geografii* [Landscape in cultural geography], Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2008, 320 p. (In Russian)
- Kliot N., Mansfeld Y. The political landscape of partition. The case of Cyprus, *Political Geography*, 1997, no. 16(6), p. 495–521.
- Kolosov V.A., Zotova M.V. Evolution of the political landscape of Moscow as capital, *Regional Research of Russia*, 2023, no. 5(13), p. S40–S54.
- Kudriavtseva N. Reconfiguring identities within the cityscape: ideologies of decommunization renaming in Ukraine, *Ideology and politics*, 2020, no. 1(15), p. 2–21.
- Light D. Street names in Bucharest, 1990–1997: Exploring the modern historical geographies of post-socialist change, *Journal of Historical Geography*, 2004, no. 30(1), p. 154–72.
- Manakov A.G. [Toponymic landscape of the Russian-Estonian and Russian-Latvian borderlands], *Kul'turny'j landshaft Pogranich'ya: proshloe, nastoyashchee, budushchee*, [Cultural landscape of the Borderland: past, present, future], 2018, vol. 2, p. 56–64. (In Russian)
- Mitin I. Toponimicheskij palimpsest: pereimenovaniya kak simvolicheskoe (pere)konstruirovanie prostranstva i mesta [The toponymical palimpsest: renaming as a symbolic (re)construction of space and place], *Pskov. Regionolog. Zh.*, 2021, vol. 17, no. 4, p. 73–83. (In Russian)
- Palonen E. Building a New City through a New Discourse: Street Naming Revolutions in Budapest, *The Political Life of Urban Streetscape: Naming, Politics, and Place*, R. Rose-Redwood, D. Alderman, M. Azaryahu (eds.), Routledge, Abingdon, 2017, p. 98–113.
- Pospelov E.M. Geograficheskie nazvaniya v Moskve [Geographical names in Moscow], *Voprosy geografii*, no. 126, 1985, p. 126–137. (In Russian)
- Romanova A. Political Dynamics of Urban Hodonyms: A Case of Chisinau, Moldova, *Urbana*, 2021, no. 22, p. 132–143.
- Różycki B. Renaming urban toponymy as a mean of redefining local identity: the case of street decommunization in Poland, *Open Political Science*, 2018, no. 1, p. 20–31.
- Rusu M.S. Street naming practices: A systematic review of urban toponymic scholarship, *Onoma*, 2021, no. 56, p. 269–292.
- Saushkin Yu.G., Glushkova V.G. *Moskva sredi gorodov mira* [Moscow among the cities of the world], Moscow, Mysl' Publ., 1983, 285 p. (In Russian)
- Smolitskaya G.P., Gorbanevsky M.V. *Toponimiya Moskvy* [Toponymy of Moscow], Moscow, Nauka, 1982, 176 p. (In Russian)
- Sokolova T.P. Obzor literatury o toponimii Moskvy [Review of literature on toponymy of Moscow], *Voprosy geografii*, 1985, no. 129, p. 179–186. (In Russian)
- Vendina O., Gritsenko A. Ot narrativov k monumentam: simvolicheskaya transformaciya kul'turnogo landshafta Kaliningradskoj oblasti [From Narratives to Monuments:

- Symbolic Transformation of the Cultural Landscape of the Kaliningrad Region], *Zh. Front. Issled.*, 2024, vol. 9, p. 134–171. (In Russian)
- Vendina O., Karpenko M. Toponimicheskij landshaft Kazakhstanskogo pogranich'ya s Rossiej: kul'turnaya suverenizaciya i politika pereimenovanij [Toponymic Landscape of the Kazakhstan-Russia Borderland: Cultural Sovereignty and Renaming Policies], *Zh. Front. Issled.*, 2023, vol. 8, no. 4, p. 277–305. (In Russian)
- Vuolteenaho J., Berg L.D. Towards critical toponymies, *Critical toponymies. The contested politics of place naming*, L.D. Berg, J. Vuolteenaho (eds.), Farnham, Burlington, Ashgate, 2009, p. 1–18.
- Young C., Kaczmarek S. The Socialist Past and Postsocialist Urban Identity in Central and Eastern Europe. The Case of Łódź, Poland, *European Urban and Regional Studies*, 2008, no. 15(1), p. 53–70.
- Web resources*
- The door to the year 1917. Why renaming Voykovskaya became a national problem, URL: <https://lenta.ru/columns/2015/11/12/mavzol/> (access date 15.12.2024).
- Electronic Moscow, URL: <http://mosopen.ru/streets> (access date 13.08.2024).
- Open data portal. Government of Moscow, URL: <https://data.mos.ru> (access date 17.07.2024).

Received 18.06.2025

Revised 08.07.2025

Accepted 28.08.2025